

22 января 2015, 16:17

МЫСЛИ: Александр Зорин. СУДЬБА ОТЦА АЛЕКСАНДРА — ПАСТЫРЯ И ПИСАТЕЛЯ. К 80-летию со дня рождения прот. Александра Меня. Полная версия статьи

Сокращенный вариант опубликован 21 января «Новой газетой»

Его пастырская работа осуществлялась на приходе и за письменным столом. На приходе - это не только в храме, но и далеко за его пределами. Точнее сказать – в непосредственном общении с людьми. А письменный стол обрёл своё постоянное место, укоренился с начала 60-х на земле преподобного Сергия, самого близкого святого.

Шесть томов истории религии, Библиологический словарь, статьи, исследования, многогранная эссеистика, тысячи писем (отводил им один день в неделю) – всё это плоды литературного творчества, труд писателя. Литература была частью его миссионерского призвания.

Что было главным для него: пастырское служение или литературная работа? «Я это не могу разделить», - ответил он. И всё же сначала, с детства, он почувствовал в себе творческое призвание. К 1947-50 гг. относятся первые опыты. Тогда же начал рисовать. Вспоминает: «Я хотел быть художником». Первые написанные книги сам иллюстрировал – картинками, вырезанными из журналов. Слитность рисунка и текста чувствовал, как автор, стремящийся к предельной выразительности. Юношескую поэму «Осиада» проиллюстрировал своими уморительными рисунками. Вспомним, как Пушкин на полях рукописи дорисовывал то, что хотел выразить словом, как бы помогая себе рисунком. Книгу о. Александр чувствовал как живой организм, предрасположенный к развитию.

К своей литературной работе, видя изъяны, был строг, если не сказать беспощаден. «Сына человеческого» переписывал несколько раз. Последний, четвёртый, незадолго до смерти. «Я сжёг десять тысяч машинописных страниц собственных, — говорит он. - Десять тысяч. Сжёг. У меня есть такое сжигалище – «геенна» домашняя на улице, я там жгу. Вот написал книгу одну – я её сжёг через месяц после того, как уже написал всю. Сел и начал писать заново. Что касается того, что у меня было, то я не удовлетворён очень многим... И именно из-за этого мне пришлось две книги заново переписать от начала до конца, хотя они уже выходили большим тиражом».

Однажды у «сжигалища», чугунной печки, стоящей во дворе, оказался его прихожанин и попросил о. Александра отдать ему хотя бы часть черновиков. Выхватил, можно сказать, из огня. О. Александр сжигал их не конспирации ради, а из-за экономии жилого пространства в доме. Так и объяснил: «Или они меня, или я их». Однажды попросил меня внести исправления в уже переплетённый том. Исправлений было мало, одно-два на несколько страниц. Он не упускал возможности довести, доработать текст уже в изданном (в самиздате) варианте. А до книг, появлявшихся в «тамиздате» («Жизнь с Богом», Брюссель), дотянуться было невозможно. Некоторые выходили с массой ошибок, опечаток, что его, взыскательного автора, огорчало.

Писать было не просто потребностью, но привычкой. Ни дня без страницы. Хоть одну, вернувшись домой поздно под вечер, выстучит на машинке, выудит из мутного потока жизни. Писательский дар, разогретый воображением, действовал безотказно. В доме одного прихожанина собралась «малая группа». Приехал и о. Александр. Зашла речь о писателях, о творчестве. Что это за феномен, что за процесс? Не вдаваясь в теорию, отец предложил «процесс» увидеть в действии и рассказал сказку о происхождении человека, которую сочинил тут же. Это была импровизация. Магнитофонная запись даёт нам возможность проследить рождение шедевра. Говорит не прерываясь, без напряжения, как будто читает текст. Не как пушкинский герой, импровизатор, из «Египетских ночей», который в начале импровизации «затрепетал, как в лихорадке, глаза его засверкали...». Ничего этого не было, тайна вдохновения оставалась невидимой. Комические эпизоды он не выделяет интонацией, потому что в них комизма столько же, сколько и трагизма.

Героя сказки зовут Урод. Он отличается от соплеменников внешним видом и поведением.

«Он был страшно безобразен: во-первых у него была кожа светлее, во-вторых, она не была покрыта красивым, благородным мехом; и, кроме того, он был голый, длинный и достаточно нелепый. Таких вообще стоило изгонять из пещеры. Но старый отец рода, седой Уг, когда он появился на свет, сказал: «Это выродок, его надо сбросить со скалы, он не может жить». Но мать его прорычала: «Я его не отдам, это мой первенец». У Матери и отца рода характерные интонации. Их речь - краткие возгласы. Угрюмые, угловатые фигуры. Кроме того, Урод отличался от всех возмутительным миролюбием, за что и был изгнан. Отец зверей и людей послал ему, изгнаннику, девушку, похожую на него, которую раньше он видел во сне. И теперь, взявшись за руки, «они шли на Восток, куда-то вдаль... А мы были в них все. Потом о них сложили сказания и назвали их АДАМОМ и ЕВОЙ...» «Всё!» - подытожил автор своё недолгое повествование, как победивший олимпиец, разорвавший финишную ленточку. За этим возгласом скрыто, быть может, тайное волнение, природу которого мы никогда не узнаем. «Всякий талант неизъясним», - писал о своём герое-импровизаторе Пушкин.

Когда возник этот сюжет – тогда же за столом, или задолго раньше, пребывая в готовности в любой момент появиться на свет? Как лекции, или домашние беседы, к которым он непосредственно не готовился, ибо прожил, продумал и прочувствовал их всей предшествующей жизнью.

У него не было профессиональных редакторов, консультантов на уровне его знаний. Зато самому редактором и рецензентом чужого творчества приходилось быть не однажды. Взять хотя бы один пример - книгу Марка Поповского «Жизнь и житие Воино-Ясенецкого, Архиепископа и хирурга». Поповский писал её под неотступным руководством о. Александра. Привозил ему домой, в Семхоз, каждую главу.

Труд Марка Поповского стал первым в своём роде документом в русской агиографической литературе. Жития святых, собранные в Четьих Минях, писались по определённому канону. Они копировали традиционный тип святости, а не воссоздавали личность святого. Малосодержательные исторически, они не являются документом. Анонимные авторы вовсе и не задавались этой целью. Георгий Федотов, специалист по древнерусской святости, считал, что Россия промолчала своих святых, что «безмолвная «Святая Русь», в своей оторванности от источников словесной культуры древности, не сумела поведать нам о самом главном — о своём религиозном опыте».

Отличие Жития Воино-Ясенецкого состоит именно в том, что в нём обстоятельно и впечатляюще дана панорама советской эпохи. Лука предстаёт в развитии, в динамике внутренних и внешних событий. Некоторые противоречия, свойственные ему, не разрушают цельности натуры. Поповский пишет не икону. Его герой может в чём-то заблуждаться, не соответствовать высоте своего служения, как это и случалось с Воино-Ясенецким.

Вспоминается тютчевское, категоричное: «Умом Россию не понять»... Марк Поповский делает попытку ПОНЯТЬ и тем самым опровергает устоявшийся тезис. Удаётся это потому, что на примере универсальной личности, вобравшей в себя научный и религиозный опыт, исследователь не отделяет веру от знания. Христос говорил: «Исследуйте Писания, ибо... они свидетельствуют о Мне» (Ин., 5:39). Христос призывал к пониманию священных текстов, говоря современным языком, призывал к научному методу исследования. Метод Марка Поповского утверждает: вера немыслима без понимания. Кстати говоря, к самому автору вера пришла через понимание, через скрупулёзный анализ жизни своего героя. Вот как он пишет об этом: «Последние семь лет пребывания в России до выезда в эмиграцию прошли под сильным влиянием моего друга отца Александра Меня. Он знал, что я неверующий, из семьи неверующих, что полтора десятка моих книг, вышедших на родине, посвящены людям и проблемам биологической и медицинской науки и носят сугубо материалистический характер. Он не пытался меня в чём-то переубеждать, что-то мне проповедовать. И, тем не менее, по мере работы над книгой о Владыке Луке моё видение мира менялось. Помню, как в 1972 году, прочитав третью и четвертую главы моей книги, о. Александр мягко пошутил: «Эволюционируете, сударь». Я действительно стал как-то по-иному видеть и понимать поведение моего литературного героя. Он год от года становился для меня по-человечески понятнее, ближе... Где-то на третьем году работы я почувствовал, что вера Владыки Луки — и моя вера».

О. Александр понимал, что настало время, когда Церковь нуждается в новом языке для проповеди. Это прежде всего язык культуры, к которому тянется образованное общество: «В мире изменился культурный фон, язык надо искать другой». Ориентируя писателя в понимании святости, он тем самым расширял зоны контакта Церкви с миром, актуализировал язык проповеди.

В то время «Жизнь и житие» вышла лишь во Франции и то с большим количеством исправлений и купюр. Автор, натерпевшийся от советской цензуры, вынужден был принять требования и цензуры зарубежной... Исправления в основном касались истории православия, которая виделась по-разному в Москве и в Париже. О. Александр не сомневался, что книга Марка Поповского в конце концов дойдёт до русского читателя в первозданной полноте, и советовал автору принять издержки промежуточного варианта: «Главное, чтобы до людей дошла правда о Владыке. Ведь история его жизни может изменить и жизнь многих читателей».

Как писатель, отец Александр ждал реакции на свои книги. Кого-то из продвинутых прихожан просил писать отзывы. Обратной связи с читателем не имел. Однажды после лекции к нему подошёл человек и показал тетрадь, в которую он переписал от руки «Сына Человеческого». Книга была дана ему на несколько дней, он переписал её для себя, для своих детей. Я стоял рядом и слышал их разговор, и видел, как просияло лицо о. Александра. Тогда же с упрёком подумал: я ведь тоже страницами выписывал из «Сына Человеческого». А сказать ему об этом не удосужился. Полагая, что не нуждается в оценке. А любой автор – нуждается.

Дневников не вёл. Начал, было, но бросил, понимая, чем это чревато. Отработанные ежедневники сжигал. Почерк имел ужасный. Казалось, что скоропись его намеренно непонятна. А, может быть, потому, что в основном писал на машинке.

Мысль ясна, фраза проста и прозрачна, в ней виден прежде всего изображаемый мир. В ней нет авторской окраски. Нет своего синтаксиса, затеняющего изображение, как у многих выдающихся писателей: у Льва Толстого, Бабея, Платонова, Цветаевой. Их индивидуальность окрашивает изображение. Изображаемый ими мир всё же во многом был миром Толстого, Бабея, Цветаевой. Здесь же сквозь прозрачное письмо проступает картина мира – его явная и сокровенная сущность. Он как бы убирает себя, чтобы не застить видимую реальность.

Любил кино, научную фантастику и многому у них учился. Нужна интрига, острый сюжет, внешние зацепы. Система адаптации – видимый ряд, что необходимо современному читателю, реагирующему на внешние признаки. Он это учитывал. Это входило в миссионерскую задачу. Но не только. Как человек, живущий во времени, в конкретной среде, он усвоил законы времени и среды, что сказалось в его художественном мышлении. Книги по истории религии – это познавательная художественная литература. Это документальные повести, из глубины которых видны проблемы и нашего времени. Каждая глава поделена на кадры, на строфы, величиной одна-две страницы. Такая «раскадровка» точнее фокусирует внимание.

Погружение в исторический момент – абсолютное. Вот начало Пролога к «Сыну Человеческому»: «Среди пыли блесло вооружение легионеров, колыхались знамёна полков, со скрипом тянулись обозы и тяжёлые осадные орудия». Ритм фразы усиливает впечатляющую картину. Все завоеватели, вплоть до нынешних, представляются миротворцами: «Помпей отрицал, что привёл своих солдат для захвата чужих земель; нет, он здесь как истинный освободитель, как поборник справедливости. Молодой генерал, грезивший о мировом владычестве, часто рядился в тогу восстановителя порядка и международного арбитра».

Помимо живой изобразительности и блеска мысли, в его прозе, ритмически организованной, много пространства. В ней легко дышится.

Разумеется, как всякий мастер своего дела, он дорожил временем. В том числе и за письменным столом. Помню, как назначил мне встречу дома в определённый час. А я, придя вовремя, задержался у Ангелины Петровны, его тещи. Она о чём-то меня

спросила, пришлось объяснять подробно, словом - задержался, чуть ли не на полчаса. Слышу, о. Александр спускается по лестнице, смотрит на часы в некотором недоумении.

И ещё один случай. Однажды Таня, жена моя, встретила отца Александра на автобусной остановке в Семхозе, где он, экономя минуты, ждал автобуса: электричка в Загорск уходила после продолжительного перерыва. Таня с сумками – тяжёлыми, конечно, тащится на дачу, и у перекрёстка с Хотьковской дорогой – тут же и остановка – одна сумка у неё обрывается, не выдержала ляжка, и всё содержимое сыплется на землю. Подъехал автобус. Отец Александр, видя Таню, бросается на помощь. Оба они подбирают просыпанное. Автобус ушёл. И следующий будет не скоро...

О. Александр, считавший минуты, забывал о времени, когда возникал призыв о помощи. Сколько таких призывов оттаскивало его от письменного стола, где он тоже, безусловно, точным словом, помогал людям.

Хотя рьяных доброжелателей, пытавшихся огородить его (особенно в последнее время) от наседающей паствы, просил этого не делать. Не посягать из благих намерений на его личную жизнь, в которой невозможно отделить судьбу писателя от священника.

#